

Казарин В. П., Новикова М. А., Трош С. Э.,
ТНУ им. В.И. Вернадского; г. Симферополь

“УКРАИНСКИЙ ВЕКТОР” В ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА (НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В сообщении даётся обзор методологических аспектов изучения творчества М.Ю. Лермонтова в Украине на 2 этапах: до 1991 года и в 1990х-2000-х гг. Демонстрируются возможности некоторых новых подходов.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, исследовательские стратегии, до 1991 года, 1990-2000-е гг., новые подходы.

Розвідка містить огляд певних дослідницьких стратегій щодо творчості: М.Ю. Лермонтова в Україні на 2 етапах: до 1991 – та в 1990х-2000-і роки. Продемонстровано потенції декількох нових підходів.

Ключові слова: М.Ю. Лермонтов, Україна., дослідницькі стратегії, до 1991 р., 1990-2000-ні рр., нові підходи.

The paper gives an overview of Ukrainian research strategies in Lermontovian studies (pre-1991 and 1990-2000-period). New approaches are also proposed.

Key words: M.Ju. Lermontov, Ukraine, research strategies, pre -1991 period, 1990-2000 period, new approaches.

Введение. В 2014 г. ЮНЕСКО планирует отметить в международном масштабе 200-летие со дня рождения М. Ю. Лермонтова. Украина как европейски ориентированная страна, примет, вне сомнений, участие в этом проекте, и ей есть, что в его рамках показать. Однако подготовка к столь серьезной акции предполагает не просто демонстрацию успехов, а прежде всего обзор имеющихся и разработку новых стратегий: издательских, исследовательских, переводческих, масс-медийных, образовательных. Не претендуя на полноту охвата этой проблемы, авторам хотелось бы начать ее обсуждение. Такова *цель* нашего сообщения. *Задачи* его видятся в следующем. 1) Определить качественное различие в понимании украинского аспекта (авторы предпочли более динамичное понятие “украинского вектора”) как в творчестве самого Лермонтова (далее Л.), так и в лермонтовских студиях на 2 этапах: I – до 1991 г.; II – в 1990-е – 2000-е гг. 2) Сделать это не в обвинительно-оправдательном русле, а в русле концептуально-прагматическом. 3) Концептуально – предложить некоторые возможные направления поиска новых проблемных комплексов. 4) Прагматически (методически) – показать, каким образом исследовательские стратегии могут обеспечить новое видение данного предмета и новую проблемизацию программ его изучения.

Степень изученности проблемы. I. До 1991 года. Наиболее фундаментальными остались здесь работы украинского лермонтоведа, переводоведа и компаративиста проф. И.Я. Заславского. Итоги исследования нашей проблемы были подведены им за период от 1840-х до 1960-х гг. [9, с. 383-385]. Хронологически в его статью не смогли войти публикации 1970-х–1980-х гг., а по цензурным условиям – из новейших украинских переводчиков успел “пройти” полуполигализованный к тому времени М. К. Зеров, но “не прошел” Г. П. Кочур, хотя его перевод “Любви мертвеца” был и остается одной из вершин украинской переводческой школы XX века (подробнее см. [15, с. 5-18]). Опять-таки, хронологически в обзор не попали доктораты ни проф. В.П. Казарина [10], ни проф. М.А. Новиковой [16], вместе с серией сопровождавших их публикаций. И снова – методологически важнее не сама по себе эта лакуна, а то, что оба исследователя предложили – и обосновали – новые подходы к анализу лермонтовского наследия и его украинских переводов. В докторате В.П. Казарина поздний Л. был, наконец, освобожден от обязательного для всех “прогрессивных” писателей “преодоления” романтизма и “освоения” реализма. Поздний Л. остался романтиком, но романтиком особого типа, близкого к гоголевскому, – и этим оказался ценен не только для классической русской культуры, но и для модерна XX века, причем для других славянских (и шире, европейских) культур также. В докторате М.А. Новиковой, взамен “единственно верной” историко-социологической методологии (прилагавшейся, в т.ч., и к изучению Л.), была предложена методология множественных интерпретаций, как критических, так и переводческих. Эта множественность обусловлена прежде всего национальным культурным контекстом интерпретаторов (другой язык, другие эпохи, другая литература и культура, другая читательская аудитория и её ожидания). Идеи обоих учёных были подхвачены и развиты в работах их учеников.

С сожалением приходится констатировать, что тогдашней общенаучной панорамы в Украине отдельные методологические “прорывы” не изменили. Не спасали положения и работы украинской диаспоры. Во-первых, Л. не был, естественно, первейшим предметом её внимания. Во-вторых, если речь и заходила о тех украинских деятелях, чьё творчество – так или иначе – соприкасалось с Л., акцент ставился всё же скорее политический: на том, как частично или полностью изымались из “подсоветской” печати (либо сопровождались вынужденными “разоблачениями искажений” и “критикой ошибок”) работы 1920-х гг., Западной Украины (до 1939 г.) и диаспоры. В-третьих, голоса “оттуда” практически не доходили до широкого “здешнего” читателя.

II. 1990-е-2000-е годы. В новых социокультурных условиях не могла не измениться и научная картина Украины. Буквально за два десятилетия были изданы запретные дотоле писатели, филологи, переводчики, – изданы уже “здесь”, в метрополии. Тем самым были закрыты многие (хотя, конечно, ещё не все) прежние лакуны. Достаточно указать, например, на публикацию ранних филологических трудов А.И. Белецкого, М. Т. Рылского, М. К. Зерова и др.; на выход монументальных украиноязычных антологий, монопереводческих или “многоязычных”, где обрёл свой новый контекст и “украинский Лермонтов”. Были освоены современные исследовательские стратегии мифопоэтического, символического, контекстуального, дис-

курсного, концептуального анализа текстов, а также более частные аналитические техники: нарратологические, гендерологические, реконструктивные, тезаурусные и т.д.

Вместе с тем, творчество Лермонтова эти стратегии все же в значительной степени обошли стороной. Какие утраты понесло при этом украинское лермонтоведение, легко увидеть по сравнению с результатами украинского пушкиноведения или гоголеведения. По сути, за 1990-е – 2000-е годы Украина в лице своих учёных открыла миру принципиально “иного” Пушкина, “иного” Гоголя (обзор диссертаций этого периода см. в. [17]). Могут возразить: Гоголь – украинец и по происхождению, и по менталитету, и по темам и сюжетам многих его произведений. Пушкин – не украинец. (Хотя жена его, Наталья Николаевна, была, как известно, внучкой гетмана Дорошенко.) Однако по Украине поэт путешествовал, о ней писал, и писал в разных жанрах. Среди тех, кто существенно повлиял на пушкинское мировидение, было немало украинцев или выходцев из Украины. Так что связи Пушкина с Украиной обнаруживать и освещать учёным всё же легче. Лермонтов бывал очень близко от Украины, от её нынешних восточных и юго-восточных рубежей, – но всё-таки непосредственно в Украине не был. Круг некоторых из его родных, близких, наставников и друзей имел безусловную украинскую генеалогию, иногда чисто биографическую, иногда и культурную. (Аспект, который, между прочим, ещё далеко не полностью документирован и осмыслен.) Но гораздо важнее сам “украинский вектор”: тот, что способствовал глубинной реинтерпретации других российских классиков, но покамест не вполне еще проявил себя в лермонтоведческих студиях. Говоря кратко: всё, что могут сказать о Л. Москва или Петербург, Пенза или Тамбов, они и скажут. Украина (как и страны Кавказа или Балтии, “атлантического” или тюркского мира, призваны сказать, – а для этого увидеть в Л., – то и так, что (и как) могут увидеть и сказать лишь они. А тем самым – увидеть и самих себя с новой стороны. Приведем несколько тому примеров.

Реконструктивный метод исследования: Лермонтов и династия Гиреев (Гераев). Одного из последних Крымских (Бахчисарайских) ханов, Керим Герая (Крым Гирея), Пушкин сделал героем своей поэмы “Бахчисарайский фонтан”. Этим он, между прочим, через сто с лишним лет спас само название города. После депортации крымских татар (1944) с карты Крыма исчезли названия десятков городов и сёл: их переименовали. Переименовать Бахчисарай оказалось невозможно. Благодаря более чем вековой всевропейской славе пушкинской поэмы, имя города стало “неприкасаемым”. Никакие правительственные указы (ни тайные, ни явные) противостоять этому всемогуществу “памяти культуры” (М. Бахтин) уже не могли.

И всё же попытки “депортировать” саму эту память культуры предпринимались. Ими, по-видимому, объясняется весьма броский (но броский на наш сегодняшний взгляд) пробел. В 1825 году мальчик Лермонтов находился на лечении “водами” в Пятигорске. За 5 км от Пятигорска (считая по-современному) располагался аул Аджи. Там, 15 июля, Лермонтов наблюдает мусульманский праздник – байрам. Память у 11-летнего мальчика была поразительная. Он всё запомнил: и то, что праздник начался уже в сумерки, после вечерней молитвы; и то, что его открыли конные состязания; и песни-пляски молодёжи; и кульминацию праздника – песню народного певца-ашика, аккомпанировавшего себе на трёхструнном сазе. Кто-то, вероятно, пересказал пытливому мальчику и содержание песни – её (уже в 1832 году, 18-летним) он включает в поэму “Измаил-бей”. Все эти сведения “советский” читатель (правда, читатель специальный) мог и в 1980-е гг. найти в “Лермонтовской энциклопедии” [7, с. 187-189]. Сегодня, конечно, нас удивляет, что в списке научной литературы о поэме значатся всего две фамилии “лиц кавказской национальности”: З. Шерипов (1929) и Р. У. Туганов (1972) [22, С. 56; 23, с. 116]. Но куда удивительней, что до сих пор не прокомментировано имя певца, а оно красноречиво: Султан Керим Гирей. Без комментариев оно остаётся “непрочитанным” ни для крымскотатарских (и шире, украинских) учёных, ни для крымских читателей, – даже тех, кто осведомлён об истории рода Гераев.

Род этот ногайский. Ногаи, скотоводы-степняки, занимали огромную территорию – от Прикаспия на востоке до Румелийской степи (часть нынешних Болгарии и Румынии) и Буджака (часть нынешней на западе Молдовы) через Северный Кавказ, Приазовье и Причерноморье. Именно ногаи (воспринимавшие Керим Герая не столько как Бахчисарайского хана, сколько как “своего” племенного вождя) помогли ему сесть на престол; именно их “степная демократия” и патриархальная независимость питала в “гордой душе” Гирея-Герая мечту о полной независимости Крыма от Османской Порты; именно к ногаям, своим соплеменникам, поехал хан перед смертью за поддержкой, оказавшись между молотом и наковальней – между двумя противоборствующими империями, российской и турецкой, при молчаливом невмешательстве Западной Европы. Поехал – и “скоропостижно” скончался во цвете лет. Наездник, воин, – он умер якобы от острого плеврита. Ныне учёные полагают: хан был отравлен агентами Порты (детальнее см. [18, с. 131-143]).

Вот какой исторический персонаж поразил воображение молодого Пушкина и вошел в историю Крыма и Украины. Но фамильная ветвь Хаджи Гераев примечательна ещё одним. Сегодня “хаджи” означает человека, совершившего паломничество (хадж) в Мекку. Изначально же значение “хаджи” было шире: это человек благочестивый, авторитетный в вопросах веры, “богоданный” своему народу. Аналогично, личное имя Султан могло значить не только верховного правителя, а и духовно-нравственного лидера. Таковым выступает в поэме Л. народный певец. Ибо ашик – не просто стихослагатель; это певец “боговдохновенный”, певец-пророк, подобный “боянам” из “Слова о полку Игоревом” и киевских былин. Стоит вспомнить в связи с этим, что династия Гераев была ещё и династией поэтов: их поэтическая антология “Трезвы розового сада” издана в 1999 году в Крыму [6, с. 86].

Интертекстуальный метод исследования: Лермонтов, Е. Гребинка, Библия. Второй текст, который наглядно демонстрирует новые возможности “украинского вектора” – это лермонтовский поэтический портрет юной красавицы украинского происхождения, княгини Марии Алексеевны Щербатовой, урождённой Штерич (“На светские цепи...”, 1840). Волею семейных обстоятельств, М. Щ. стала светской петербургской дамой, но не потеряла, по Л., ни памяти о родине, ни главных черт украинки: “гордого покоя” перед клеветой и насмеш-

ками, душевного целомудрия, нежелания просить "у чуждых опоры". Образ реальной женщины разрастается у Л. до образа Украины и до глубин самой украинскости.

Об этом стихотворении писали лермонтоведы и в Украине, и за её пределами (обзор литературы см. в [13, с. 628]). На русский язык его перевёл один из лидеров украинского художественного перевода XX в. Микола Зеров (см. Приложение 1.). Непосредственным импульсом для создания этого текста мог послужить аналогичный "сдвоенный" портрет молодой красавицы (а на самом деле Родины-Украины) у Е. П. Гребинки [4, с. 434; 5, с. 482; 14, с. 403-408.]. Проф. Е. Г. Эткинд, известный филолог-переводовед и поэтовед, изгнанный из СССР (1974) за поддержку А. Солженицына и И. Бродского, резюмировал: "На светские цепи..." – одно из важнейших стихотворений зрелого Лермонтова. "Оно движется <...> от светски лёгкого восхваления глазок, щёчек, кудрей женщины <...> к воспеванию её "детской веры" и "гордого покоя" <...>". Оказывается, любовь женщины "надёжна, если она опирается на надёжность её нации". И дальше: "Даже в таком чуть ли не мадригальном объяснении Лермонтов остаётся на высокой позиции – гражданина, ценящего прежде всего общенародные традиции <...>" [24, с. 473-474].

С исследователем нельзя не согласиться. Однако знаменательно: отсылка на украинский прецедент, стихи Е. Гребинки, мы у него не встретим. И наоборот: авторы, специально изучавшие украинскую общину Петербурга, в т.ч. деятельность Е. Гребинки, его попытки организовать в "северной столице" периодические издания, откуда русскоязычный читатель мог бы черпать объективные литературные и культурные сведения об Украине, – эти авторы обходят молчанием гребинковское "эхо" в творчестве Л.

Знаменательно и другое. Цитированный выше проф. Е. Г. Эткинд, мастер тонких поэтологических наблюдений, не объясняет: каким же образом совершается в стихах у Л. это переключение от "светского человека" к "гражданину"? К философу-конфессионалу? Или, быть может, никакого переключения у Л. и нет – есть лишь примыкание, рядоположность? Строки 1-2 представляют собою светский дискурс; строки 3-6 – дискурс украинского романтизма. Строки 7-8 возвращают нас к салонной речи (окрашенной, правда, "горечью и злостью" самого повествователя). А строки 9-16 опять отсылают к стилю и тону, близкому к Е. Гребинке, О. Сомову, Л. Боровиковскому.

Но нет, переключатель (содержательный и стилистический) в тексте Л. всё же имеется, и довольно неожиданный: отсылки к Библии. Начинаются они со строк 7-8 ("Как ветер пустыни, / И нежат и жгут её ласки..."). Маркером этого библейского интекста, врывающегося в речь и петербургских балов, и украинских степей, служит "ветер пустыни". (Разграничение понятий "интекст-интертекст" см. в [19, с. 109-121; 20]). Что даёт нам основания так полагать? 1) Стилистическая отмеченность самого образа, не совпадающая со стилевыми регистрами ни "света", ни "степи". 2) Невозможность приложить его к степям Украины. Не забудем: в 1831 году была уже опубликована (и притом в Петербурге) I часть "Вечеров на хуторе близ Диканьки" Н. Гоголя, со знаменитыми описаниями украинской степи, менее всего похожей на "пустыню". "Вечера..." стали сенсацией среди читающей публики; не мог не знать их и Л. Следовательно, стилевой диссонанс здесь не случаен. 3) Композиционно – "ветер пустыни" отчётливо членит стихотворение на "матригальную" и "олическую" (или "элегическую") части. Без этого образа ввод новых, философско-религиозных мотивов в данный текст немыслим. Каков же тогда статус и смысл "ветра пустыни"?

Это не простая пейзажная реалья, ни украинская, ни даже палестинская (см. Приложения 1). В роли реалии "ветер пустыни" никогда не сопрягается в Библии с мотивами любви и/или женской ласки. Его контекстуальные библейские значения – гибель всего живого, или Божий гнев, или возмездие врагам. Но если читать его как символ, тогда на передний план выходит иной, глубинный мотив – *испытания* (восходящий к мифосюжету инициации). Кого же испытывает лермонтовский ветер? А поскольку это ещё и метонимический знак героини, – кого испытывает она?

Прежде всего испытание проходит она сама. Сохранять детские черты (напомним: к моменту создания стихотворения кн. М.А. Щербатовой около 20 лет), душевную чистоту и верность "отчизны примеру" куда легче дома, нежели "среди ледяного, среди беспощадного света". Не только на чужбине, а и в таком иномирии, где все эти ценности вызывают только насмешки и злобу. С другой стороны, лишь пройдя испытание злом, героиня оказалась способной вырасти до внутренней (а не просто внешней) независимости – до "покоя" возмужавшей души [1, с. 142-143; 2, с. 54-57].

Но испытание проходит и лирический "авторский" герой. Его душевное состояние изначально двойственно; именно потому стилистически двойственна (и даже "тройственна") его поэтическая речь. Его восхищает таинственная красота "ночей Украйны", их космизм, а не простая идилличность. Его умиляет полудетская красота героини. (Вот откуда идут "глазки" и т.п., которые интерпретировались подчас всего лишь как матригальная галантность.) Герой и сам хотел бы питать "надежду на Бога". Однако "ледяной свет" – его привычный мир, успевший оставить на нём свои "приметы", от светских манер до леденящего демонизма. Поэтому героиня для него – предмет и удивления, и надежды ("полюбит нескоро, зато не разлюбит уж даром"), и влюблённости, и печали. (Ср.: "Мне грустно потому, что я тебя люблю..." – по мнению некоторых исследователей, и эти строки также адресованы Марии Щербатовой [8, с. 360; 23, с. 116]).

Отчего же юная женщина, не имевшая ранее никакого "петербургского" опыта, совсем недавно пережившая личную трагедию (смерть новорождённого первенца-сына), вдова в 20 лет, – сберегла то, что лишь отчасти удалось сберечь герою-мужчине? Л. отвечает недвусмысленно: за нею стоит всё "племя родное", вся её "печальная", но не сломленная отчизна. А за героем стоит родина, которую он тоже любит, но любит другой, "странною" любовью (стихотворение "Родина", 1841). Подобная формула возможна только в том случае, когда между "родиной" и "мною", при всей "моей" любви, остаётся некий – и немалый – зазор. Между героиней анализируемого текста и её родиной такого зазора нет.

Методологические перспективы исследования. Их вырисовалось несколько. Необходимо 1) пополнить и систематизировать современные данные об украинском круге знакомых, друзей, творческих наставников и последователей Лермонтова (тезаурусный метод/реальное комментирование/реконструктивный метод). 2) Уточнить историко-генеалогические и историко-контактные связи с Украиной не только лично Л., но и всего его рода. Кстати, по отцовской линии эти связи выводят на два древних (и оба знаменитых) британских рода: Гордонов (включая поэта Дж. Гордона Байрона и Лермонтов (включая поэта-провидца XIII в. Томаса Лермонта) (методы историко-биографического, этимологического и генеалогического анализа). 3) Сопоставить лермонтовский образ Украины: как его источники, так и его текстовую реализацию, – с образом Украины в современной для Л. русской литературе (имагологический и сопоставительно-типологический анализ). 4) Прodelать аналогичную работу с материалами об адресатах лермонтовских стихотворений; дополнить их гендерологическим и интертекстуальным анализом в масштабах и макротекстов (поэтических циклов), и метатекстов (термин проф. И.М. Колегаевой), т.е. научных и мемуарных комментариев к указанным стихам.

Совокупность этих новых подходов и методов, перечисленных и / или оставшихся за скобками нашего перечисления, позволит, по нашему убеждению, значительно переосветить тему “Лермонтов и Украина”, или иначе: “Украинский контекст Лермонтова”.

Приложение 1. Переклад Миколи Зерова.

На пута суворі, / На гомін привабливий бала / Степи неозорі / України вона проміняла. // Та півдня палкого / Собі залишила приміту / Серед крижаного / Серед неблаганного світу. // Як ночі України / У сяєві зір таємничих, / Доховують тайни // Слова її уст чарівничих. // Як обрії сині – / Очей її полиск і сяння; / Як вітер пустині – / Жагуче її милування. // І стиглістю сливи / Рожеве обличчя зоріє; // І сонце пестливе / У кучерях її золоті. // І, молячись щиро / За прикладом рідного краю, / Незайману віру / У серці дитячим плекає. // Як люд її рідний, / Не жде від чужинця опори; // Безмовно і гідно / Терпить і знущання, / і горе. // На погляд зухвалий / Не займається враз потаємно, / Звикає помалу, / Зате й не розлюбить даремно.

Переклад Марини Новикової.

За вишкіл чужинський, / За балів нудне стоголося / Свій степ український / Покинути їй довелося. // Та є в ній ознаки – / Вітання південному літу / Кризь холод і мряки / Чужого північного світу. // Як ніч на Вкраїні / В рясноті зірок вічносяйних, / Духмяні й нетлінні / Слова її вуст життєдайних. // Як ранок, веселі / Вкраїнські лазореві очі, / Як вітер пустелі, / Палючі обійми жіночі, // Як зріючі сливи, / Все личко в рум'яних загравах; / І сонця розливи / У косах її золотавих. // Вітчизну деліє, / Хоч як тая тоскна і вбога, / Дитячу надію / Обидві поклавши на Бога. // Як рідні країни, / Підмози в чужинців не просить; / Їх кпини та рани / У гордому спокою зносить. // Не сповниться хіття / Від погляду світського лева. / Полюбить не миттю. // Проте й не розлюбить миттєво.

Литература:

1. Библейская энциклопедия [Текст]: в 2-х кн. – кн.1. А-М. – М.1891. – [репринт. изд.]. – Изд-во “СПМСИ и др.”. – М. :1990. – кн.1. – 494с. – С. 142-143.
2. Библейская энциклопедия [Текст]: в 2-х кн. – кн.2. Н-Ф. – М.1891. – [репринт. изд.]. – Изд-во “СПМСИ и др.”. – М. :1990. – кн.2. – 408с. – С. 54-57.
3. Герштейн Э. Г. Об одном лирическом цикле Лермонтова / Э. Г. Герштейн / Лермонтовский сборник. – Л.: Наука, 1985. – С. 131-151.
4. Гребінка Є. П. М. Ю. Лермонтов. [Текст.] / Є. П. Гребінка // Є. П. Гребінка. Вибрані твори. – К. : Дніпро, 1976. – С. 434.
5. Гребінка Євген Павлович / [Б.и.] // Українська літературна енциклопедія : У 5-ти т. Т. 1. / Під ред. Дзеверін І. О. – К. : Вид-во УРЕ, 1988. – 632 с. – С. 482.
6. Грезы розового сада: Антология средневековой крымскотатарской поэзии. [Текст.]. – Симферополь : СО-НАТ, 1999. – С. 86.
7. Григорьян К. Н. “Измаил-бей” (1832) / К.Н. Григорьян // Лермонтовская энциклопедия (далее ЛЭ), – М. : Сов. Энциклопедия, 1981. – 784с. – С. 187-189.
8. Динесман Т. Г. “Отчего” (1840) / Т. Г. Динесман // Лермонтовская Энциклопедия (далее ЛЭ). – М. : Сов. энциклопедия, 1981. – С. 360.
9. Заславский И. Я. Переводы и изучение Лермонтова в литературах народов СССР. Украинская литература / И. Я. Заславский // Лермонтовская Энциклопедия (далее ЛЭ). – М. : Сов.энциклопедия, 1981. – С. 383-385.
10. Казарин В. П. Проблемы художественного метода рус. лит. 30-х гг. XIX века: (Пушкин, Лермонтов, Гоголь) – Автореф. дисс. ... докт. Филол. наук. – К. : Ин-т лит. им Т.Г.Шевченко АН УССР, 1988. – 36 с.
11. Лермонтов М. Ю. Щербатова М. А. [Текст]. / М. Ю. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов, Собр. соч. с комМ. : В 4 т-х. / под ред. И. Л. Андроникова и др. – Т.1.– М. : Худож. Литература, 1983. – 445 с. – С. 263.
12. Лермонтов М. Ю. Щербатова Г. А. [Текст]. / М. Ю. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов, Собр. соч. с комМ. : В 4 т-х. / под ред. И. Л. Андроникова и др. – Т.1.– М. : Худож. Литература, 1983. – 445 с. – С. 278.
13. Найдич Э. Э. “М.А. Щербатовой” (“На светские цепи...” (1840)) / Э.Э. Найдич // ЛЭ. – С. 628.
14. Найдич Э. Э. Стихотворение “М. А. Щербатовой” (Лермонтов и Е. П. Гребинка) / Э.Э. Найдич // М.Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Сб. научн. статей. – Л. : Наука, 1979. – С.403-408.
15. Новикова, Марина. Перекладацький світ Григорія Кочура/ Марина Новикова // Григорій Кочур. Друге відлуння. – К. : Дніпро, 1991. – 558 с. – С. 5-18.
16. Новикова М. А. Проблемы индивидуального стиля в теории художественного перевода: (Стилистика переводчика). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Новикова М. А. – Л.: ЛГУ, 1981. – 34 с.

17. Новикова М. А. Методичні рекомендації для самостійної роботи магістрантів та аспірантів літературознавчих спеціальностей. Вип. 2. Автор – упоряд. д.ф.н., проф.. Новикова М. О. / [М.О.Новикова]. – Кам'янець – Подільський: Абетка – НОВА, 2007. – 99 с.
18. Новикова М. А. Герай исторический и Гирей пушкинский (историко-литературная гипотеза) / Новикова М. А. // Полифония культур Украины: Сб. мат-лов Межд. научн. конф. – Луганск, 2007. – Вып. 2. – С. 131-143.
19. Новикова. М. А. Абрамова Е. Ю., Трош С. Э. / Интертекстуалистика: новые измерения / М. А. Новикова и др. // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Изд-во ТНУ им. В. И. Вернадского, 2011. – № 109. – С. 109-121.
20. Новикова М. А. Тулуп Э. Р., Семенец О. С., Трош С. Э. / Исследовательские стратегии в анализе поликультурных художественных текстов / М. А. Новикова и др. // Культура народов Причерноморья. – Симферополь : Изд-во ТНУ им. В. И. Вернадского, 2012. – [В печати].
21. Туганов Р.У. Измаил – бей. Историч. Очерк о герое одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова // Р. У. Туганов. – Нальчик : Сов. писатель, 1972. – 121 с. илл.
22. Шерипов З. Что послужило Лермонтову сюжетом для поэмы "Измаил – бей"? / З. Шерипов. – Грозный : Госиздат РСФСР, 1929. – 56 с. илл.
23. Эйхенбаум Б. М. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки / Б. М. Эйхенбаум. – Л. : Academia, 1924. – 221 с. – С. 116.
24. Эткинд Е. Пастернак и Лермонтов. К проблеме поэтической личности // Е. [Г.] Эткинд. Там, внутри. О русской поэзии XX века. – СПб. : Изд-во "Максима", 1995. – 567с. – С. 473-474.